

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
ХЕЗЕР МОРРИС

Татуировщик из Освенцима

Дорога из Освенцима

Истории надежды

Три сестры

Хезер
Моррис

ТРИ СЕСТРЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Циби, z'л, Магда, Ливия,
спасибо за ваше мужество и надежду, с которыми
вы не расставались в самые темные времена
истории, чтобы создать жизнь на новой родине
с любящими семьями и вдохновить всех нас.*

*Мишка, z'л, Ицко, z'л, Зигги, z'л,
у вас были свои истории выживания.
У вас были свои истории мужества, надежды,
любви и потери близких. У вас была любовь
трех удивительных женщин и ваших родных.*

*Кароль (Кари), Йозеф (Йосси), Хая,
Юдит (Дитти), Оded (Оди), Дорит,
вы росли, слушая рассказы своих родителей.
Вы приобщились к их терпению, стойкости,
мужеству и желанию поделиться своим прошлым,
поэтому ни один из нас никогда НЕ ЗАБУДЕТ об этом.*

*Рэнди, Ронит, Пэм, Йосси, Йозеф, Ишай,
Амиад, Хагит, Ноа, Анат, Аяла, Амир, Ариела,
Даниэль, Рут, Боаз, Ли-Ор, Ногах, Пнина,
Галил, Эдан, Эли, Хагар, Деан, Манор, Алон,
Ясмин, Шира, Тамар, Кармел, Альби, Мааян,
Дорон, Офир, Маор, Рафаэль, Илан, Роми
И ВСЕ ГРЯДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ*

Примечание. Знак z'л добавлен к именам ушедших людей, чтобы почтить их память. Он означает: «Zichrono livgasha» — да будет благословенна память о нем или о ней (*иврит*).

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ОБЕЩАНИЕ

ПРОЛОГ

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Июнь 1929 года

На небольшом заднем дворе своего дома, тесно сгрудившись вокруг отца, сидят три сестры — Циби, Магда и Ливи. В одном углу маленького сада уныло поник куст олеандра, который их мать всеми силами пыталась вернуть к жизни.

Ливи, самой младшей, три года, и она вскакивает на ноги — ей трудно усидеть на месте.

— Ливи, сядь, пожалуйста, — говорит ей Циби; в свои семь лет она, как старшая из сестер, чувствует себя вправе приструнить младших за плохое поведение. — Ты же знаешь, папа хочет с нами поговорить.

— Нет, — возражает трехлетняя Ливи, принимаясь скакать вокруг сидящих и похлопывая каждого по голове.

Магда, средняя сестра, которой пять лет, сухой веточкой олеандра рисует что-то на земле. Стоит теплый солнечный летний день. Задняя дверь дома открыта, и из нее доносится аппетитный аромат свежее испеченного хлеба. Два окна — одно кухни, другое небольшой семейной спальни — знавали лучшие времена. На земле валяется отшелушившаяся после зимы краска. От

порыва ветра хлопает калитка. Сломана щеколда, отцу придется чинить и это.

— Иди сюда, котенок. Садись ко мне на колени, — подзывает отец Ливи.

Одно дело — когда тебе велит что-то сделать старшая сестра, и совсем другое — когда просит папа, да еще так ласково. Размахивая руками, Ливи прыгает к нему на колени, не обращая внимания на то, что ударяет отца по голове.

— Ты в порядке, папа? — беспокоится Магда, заметив гримасу боли на его лице, когда он непроизвольно откидывает голову назад, и гладит отца по щетинистой щеке.

— Да, милая. У меня все хорошо. Со мной мои девочки. О чем еще просить отцу?

— Ты сказал, что хочешь с нами поговорить? — Циби не терпится перейти к сути их маленького «собрания».

Менахем Меллер заглядывает в глаза своих хорошеньких дочерей. Им нет дела до мировых проблем, они пока пребывают в неведении о суровой реальности жизни за стенами их милого домика. О суровой реальности, с которой столкнулся Менахем и в которой продолжает жить. Пуля, не убившая его на Первой мировой войне, застряла в шее и теперь, двенадцать лет спустя, угрожает его жизни.

Горячая Циби, непокорная Циби... Менахем гладит ее по волосам. В тот день, когда родилась, она возвестила миру: остерегайтесь, и горе тому, кто встанет у нее на пути. Когда она сердится, ее зеленые глаза начинают полыхать желтым огнем.

А Магда, красивая, нежная Магда — как быстро она выросла, ей уже пять! Отец беспокоится,

что мягкость сделает дочь уязвимой и люди станут обижать ее и использовать. На него устремлены ее большие голубые глаза, и он ощущает ее любовь, тревогу за его шаткое здоровье. Он видит, что она не по годам взрослая, видит ее отзывчивость, унаследованную от матери и бабушки, и пылкое желание заботиться о ближнем.

Ливи перестает вертеться, когда Менахем начинает играть с ее мягкими кудряшками. Про себя он называет Ливи дикаркой, беспокоясь, как бы однажды она не убежала с волками и не сломалась, словно деревце, если будет загнана в угол. Со своими пронзительными голубыми глазами и хрупкой фигуркой она напоминает ему олененка, которого легко напугать и который готов удрать в любой момент.

Завтра ему предстоит операция по удалению из шеи блуждающей пули. Почему ее нельзя оставить там, где она есть? Он бесконечно молится о том, чтобы как можно дольше быть с девочками. Ему надо направлять их по пути к зрелости, надо побывать на их свадьбах, понянчить внуков. Операция опасная, и если он не выживет, то сегодняшний день может стать последним, проведенным с ними. И если такое случится, какими бы ужасными ни были его мысли об этом в столь прекрасный солнечный день, необходимо прямо сейчас высказать девочкам свою просьбу.

— Ну, папа, что ты хотел нам сказать? — подгоняет Циби.

— Циби, Магда, вы знаете, что такое обещание? — медленно спрашивает он.

Надо, чтобы они серьезно к этому отнеслись.

— Нет, — качает головой Магда.

— Я думаю, — говорит Циби, — это когда у двоих есть секрет, правда?

Менахем улыбается. Циби всегда хотя бы пытается, и это нравится ему в ней больше всего.

— Близко, дорогая моя, но дать обещание могут и больше двух человек. Я хочу, чтобы вы трое дали мне обещание. Ливи еще не понимает, но надо, чтобы вы говорили ей об этом, пока она не поймет.

— Я тоже не понимаю, папа, — перебивает его Магда. — Ты совсем сбил меня с толку.

— Это очень просто, Магда, — улыбается Менахем, находя особое удовольствие в том, что разговаривает со своими девочками, и у него щемит в груди — он должен запомнить этот момент, этот солнечный день, широко распахнутые глаза трех его дочерей. — Хочу, чтобы вы пообещали мне и друг другу, что всегда будете заботиться о своих сестрах. Всегда придете на помощь друг другу, что бы ни случилось. И не позволите, чтобы что-то вас разлучило. Понимаете?

Магда и Циби кивают, а Циби с серьезным видом спрашивает:

— Я понимаю, папа, но почему кто-то захочет разлучить нас?

— Я не говорю, что кто-то захочет, просто хочу, чтобы вы обещали мне: если кто-то попытается разлучить вас, вы вспомните то, о чем мы говорили сегодня, и сделаете все, что в ваших силах, чтобы помешать этому. Когда вы вместе, втроем, вы сильные, никогда не забывайте об этом. — Запнувшись, Менахем откашливается.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЕЩАНИЕ

Циби и Магда обмениваются взглядами. Ливи переводит взгляд с одной сестры на другую, потом на отца, догадываясь, что было сказано что-то важное, но что именно, она не понимала.

— Я обещаю, папа, — говорит Магда.

— Циби? — спрашивает Менахем.

— Я тоже обещаю, папа. Обещаю заботиться о своих сестрах. Никому не позволю обидеть их, ты же знаешь.

— Да, я знаю, моя дорогая Циби. Это обещание станет договором между вами тремя. Ты расскажешь Ливи об этом договоре, когда она подрастет?

Циби обхватывает лицо Ливи ладонями, поворачивает к себе ее голову и заглядывает сестре в глаза:

— Ливи, скажи «обещаю». Скажи «я обещаю».

Ливи изучает сестру. Циби кивает, поощряя ее произнести эти слова.

— Я обещаю, — повторяет Ливи.

— Теперь скажи это папе, скажи «я обещаю», — наставляет Циби.

Ливи поворачивается к отцу. В ее глазах пляшут смешинки, она вот-вот прыснет, ее сердечко тает от отцовской улыбки.

— Я обещаю, папа. Ливи обещает.

Прижимая своих девочек к груди, он смотрит поверх головы Циби и улыбается еще одной своей девочке — матери его дочерей, которая стоит на пороге их дома с блестящими от слез глазами.

Ему есть что терять. Он должен выжить.

ГЛАВА 1

*Вранов-над-Топлёу, Словакия
Март 1942 года*

— Прошу, скажите мне, что она поправится, я так за нее беспокоюсь, — волнуется Хая, когда врач осматривает ее семнадцатилетнюю дочь.

Магда уже несколько дней лежит с высокой температурой.

— Да, госпожа Меллер, Магда скоро поправится, — успокаивает женщину доктор Кисели.

В крошечной спальне стоят две кровати. На одной Хая спит с младшей дочерью Ливи, другую Магда делит со старшей сестрой Циби, когда та бывает дома. Одну стену занимает большой комод, забитый одеждой и другими вещами четырех женщин. Предмет их гордости — хрустальный флакон для духов с изумрудно-зеленым шнурком и кисточкой, а рядом с ним на комодѣ стоит зернистая фотография: красивый мужчина сидит с малышкой на одном колѣне и с девочкой постарше — на другом, третья девочка, еще старше, стоит слева от него, а справа — мать девочек, ее рука лежит на плече мужа. На матери и дочках — белые кружевные платья, и все вместе они являют собой картинку идеальной семьи, по крайней мере на тот момент.

Менахем Меллер умер на операционном столе. Хотя пулю и удалось извлечь, потеря крови была слишком велика. Хая осталась без мужа, а девочки — без отца. Чтобы помочь семье, в домик переехал Ицхак, отец Хаи и дед сестер. Брат Хаи Айван живет в доме напротив.

Хая не одинока, хотя и чувствует в душе ужасное одиночество.

В спальне задернуты тяжелые шторы, чтобы дрожащую в лихорадке Магду не тревожил яркий свет весеннего солнца, который просачивается в комнату поверх карниза.

— Мы можем поговорить в другой комнате? — Доктор Кисели дотрагивается до руки Хаи.

Ливи, скрестив ноги, сидит на соседней кровати и смотрит, как Хая кладет на лоб Магды новое влажное полотенце.

— Побудешь с сестрой? — спрашивает мать, и Ливи кивает.

Когда взрослые выходят из комнаты, Ливи ложится рядом с сестрой и принимается вытирать пот с лица Магды сухой фланелькой.

— Ты поправишься, Магда. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Магда заставляет себя улыбнуться:

— Это же моя обязанность, ведь я твоя старшая сестра. Я должна заботиться о тебе.

— Тогда поправляйся.

Хая и доктор Кисели делают несколько шагов, отделяющих спальню от гостиной маленького дома. Входная дверь открывается прямо в уютную жилую комнату с крошечной кухней в задней части.

Дед девочек Ицхак моет руки над раковиной. За ним с заднего двора тянется дорожка древесных стружек, несколько лежат на выцветшем голубом войлоке, покрывающем пол. Вздрогнув, Ицхак оборачивается, разбрызгивая воду по полу.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Ицхак, я рад, что вы здесь. Посидите с нами.

Хая быстро поворачивается к молодому доктору. В глазах у нее страх. Доктор Кисели с улыбкой подводит ее к стулу, а другой пододвигает от кухонного стола для Ицхака.

— Она очень больна? — спрашивает Ицхак.

— Она скоро выздоровеет. Это грипп, и здоровой молодой девушке нужно только время.

— Тогда в чем же дело? — Хая машет рукой в сторону врача.

Доктор Кисели находит еще один стул и садится:

— Не хочу, чтобы вы испугались того, что я собираюсь вам сказать.

Хая лишь кивает, приготовившись услышать то, что он должен сказать. С начала войны она сильно изменилась: ее когда-то гладкий лоб покрыт морщинами, и она такая худая, что одежда висит на ней как на вешалке.

— В чем дело, парень? — спрашивает Ицхак.

Ответственность за дочь и внушек состарила его не по годам, и у него нет времени на уловки.

— Я хочу отправить Магду в больницу...

— Что? Вы только что сказали, что она скоро поправится! — восклицает Хая.

Она поднимается, хватаясь за стол для опоры. Доктор Кисели жестом останавливает ее:

— Это не из-за болезни. Есть другая причина, по которой я хочу положить Магду в больницу, и, если вы выслушаете, я объясню.

— О чем вы толкуете, черт возьми?! — возмущается Ицхак. — Выкладывайте!

— Госпожа Меллер, Ицхак, ходят слухи, ужасные слухи о молодых евреях, девушках и юношах, которых отправляют из Словакии на работы для немцев. В больнице Магда будет в безопасности, и я обещаю, что не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

Хая откидывается на стуле, закрывает лицо ладонями. Это гораздо хуже гриппа.

Ицхак рассеянно похлопывает ее по спине, весь напрягшись в ожидании того, что скажет доктор.

— Что-то еще? — В ожидании честного ответа Ицхак в упор смотрит на доктора.

— Как я уже сказал, слухи и сплетни, и в них нет ничего хорошего для евреев. Если они придут за вашими детьми, то это начало конца. *И работать* на нацистов? Мы понятия не имеем, что это значит.

— Что же нам делать? — спрашивает Ицхак. — Мы уже все потеряли: право работать, кормить наши семьи... Что еще они могут отнять у нас?

— Если то, что я слышал, — правда, им нужны ваши дети.

Хая выпрямляется. Лицо ее покраснело, но она не плачет.

— А Ливи? Кто защитит Ливи?

— Полагаю, им нужны подростки старше шестнадцати лет. Ливи ведь четырнадцать, да?

— Пятнадцать.

— Она еще дитя, — с улыбкой говорит доктор Кисели. — Думаю, с Ливи все будет в порядке.

— А сколько времени Магда пробудет в больнице? — Хая поворачивается к отцу. — Она не захочет туда, не захочет оставить Ливи. Помнишь, отец, когда Циби уходила, она заставила Магду пообещать ей, что та будет заботиться о своей младшей сестре?

Ицхак поглаживает руку Хаи:

— Если мы хотим спасти ее, она должна отправиться в больницу, хочет она того или нет.

— Полагаю, нужно лишь несколько дней, может быть, неделя. Если слухи верны, они скоро явятся, а после этого я отправлю ее домой. А Циби? Где она?

— Вы же знаете ее. Она в лагере «Хахшары».

Хая не знает, что и думать об этой программе, по которой молодых людей вроде Циби обучают навыкам, необходимым для новой жизни в Палестине, далеко от Словакии, пока в Европе бушует война.

— Все еще учится пахать землю? — шутит доктор, но ни Хая, ни Ицхак не улыбаются.

— Если она собирается эмигрировать, то именно это ждет ее там — плодородные земли, которые нужно возделывать, — говорит Ицхак.

Но Хая молчит, погрузившись в свои мысли. Один ребенок в больнице, другой еще мал и может избежать когтей нацистов. А третья дочь